

Елена  
Арсеньева

Дамы  
плаща и кинжала



Исторические  
новеллы  
любви

Дамы плаща и кинжала

Елена Арсеньева

**Сердце тигра (Мура Закревская-  
Бенкендорф-Будберг)**

«Автор»

2004

## **Арсеньева Е. А.**

Сердце тигра (Мура Закревская-Бенкендорф-Будберг) /  
Е. А. Арсеньева — «Автор», 2004 — (Дамы плаща и кинжала)

Кто заподозрит шпионку в прекрасной женщине, которую принимают в высшем обществе или даже при дворе самодержцев? Но именно такие дамы оказывались зачастую самыми надежными агентами – ведь кому, как не обходительной прелестнице приятно поведать свои тайны сильным мира сего?.. А уж способами обольщения и умением напускать тумана и загадочности эти красавицы владели в совершенстве. Некоторые из них так и унесли свои секреты в могилу, а некоторые вдруг столь удивительную карьеру заканчивали – и становились обычными женщинами. Но что оставалось с ними навсегда – это авантюрный дух и стремление убежать прочь от рутины обывательской жизни. Зоя Воскресенская, Елена Феррари, Лиля Брик – о тайной и явной жизни этих и других «дам плаща и кинжала» пойдет речь в захватывающих исторических новеллах Елены Арсеньевой...

## Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

# Елена Арсеньева

## Сердце тигра

### Мура Закревская-Бенкендорф-Будберг

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплу главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

\* \* \*

Однажды ночью на исходе 1934 года некоему человеку приснился кошмарный сон. Снилось ему, что он ищет свою любовницу – вернее, возлюбленную, на которой он давно мечтал жениться, и дело стояло только за ее согласием, коего она никак не давала. Вообще говоря, это была особа чрезвычайно независимая: к примеру, она не любила оставаться у него ночевать и обычно, после нескольких часов восхитительных ласк, прощалась с любовником, нежно поцеловав его и блаженно, благодарно улыбнувшись, потом надевала платье прямо на голое тело, а белье сворачивала в смешной тючок и, держа его под мышкой, уезжала на такси домой.

Итак, этому человеку снилось, что дама его сердца и владычица его вожделения отчего-то к нему не пришла, и вот он среди ночи ринулся к ней домой, якобы для того, чтобы убедиться: с нею все благополучно, – а на самом деле, чтобы утихомирить свою ревность, которая всегда, постоянно, неотлучно обитала в его сердце и исподтишка подгрызала его, как мышь подгрызает засохший сыр, точила, как моль точит заброшенную шерстяную вещь. Но в том-то и дело, что сердце этого не слишком-то молодого человека отнюдь не было засохшим и заброшенным: напротив – оно было слишком молодым, оно и в шестьдесят чувствовало так же остро, как в семнадцать, потому что болело от ревности днем и ночью.

Нет, ну в самом деле: почему она ему непрестанно отказывает, почему не хочет выйти за него замуж?! Он богат, знаменит, страстно любит ее. А она – да кто она такая? Не бог весть какая красавица, отнюдь не богатая, лгунья, авантюристка, сомнительного происхожде-

ния, сомнительной биографии, сомнительного образа жизни... Да любая другая женщина на ее месте кинулась бы с ним под венец незамедлительно! Да все женщины, которые у него были раньше, только и мечтали о браке с ним!

Но в том-то и состояло все несчастье, что этому человеку было наплевать на всех других женщин, и вместе взятых, и по отдельности. Ему нужна была единственная на свете – она! Именно потому ему и снился мучительный сон, как он ринулся искать свою легкомысленную возлюбленную – и не обнаружил ее дома. Бегал по ночным улицам и звал, звал, словно заблудившийся путник, словно потерявшийся ребенок!

И вдруг в каком-то проулке увидел ее.

Она шла, чуть опустив голову, однако, несмотря на предрассветную мглу, он мог видеть ее полуулыбку: рассеянную полуулыбку женщины, которая отдыхает после объятий любовника. Да, именно так она улыбалась *потом* – еще не вполне вернувшись в мир реальный из мира лихорадочных телодвижений, испарины, смешавшейся на телах любовников, из мира сорванного дыхания, мучительно-счастливых стонов и сдавленных криков, которые исторгает женщина, когда наслаждение слишком сильно, всевластно и освобождает ее от оков привычной сдержанности и запоздалого целомудрия. В руках у нее был сверток – и человек вдруг понял, что это тот же сверток с бельем, с которым она обычно уходила от него. Но от кого же она шла сейчас с этим постыдным свертком?! И о ком думает с этой своей блаженной полуулыбкой?!

Обезумев от ревности, этот человек схватил возлюбленную, начал трясти ее, бить, выкрикивать бессмысленные вопросы и отвратительные обвинения, но она все улыбалась, улыбалась, и вдруг... О господи, вдруг он увидел, что она развалилась в его руках, как сломанная кукла, и когда он поднял ее голову, то увидел, что голова эта полая, картонная, неживая, пустая, и туловище пустое, и это не любимую свою он встретил в проулке, а какой-то фантом, призрак, ну а где она сама – неведомо!

Человек проснулся вне себя от возмущения и ненависти и начал сейчас же размышлять, что может означать сей сон. Ну, не нужно было быть изощренным психологом и гениальным писателем с мировым именем (а как раз таковым и являлся этот человек), чтобы разгадать его. Сон гласил: возлюбленная его лжет, лжет каждым словом своим и каждым поступком, вдали от него она живет своей собственной, тщательно охраняемой жизнью, возможно, изменяет ему, но ему никогда не узнать, что скрыто под улыбочивой маской ее лица, что доподлинно творится в ее мыслях и душе...

«Ладно, – угрюмо подумал он, – черт с ней, с ее душой. Но где же сейчас ее тело?! Я убью ее, если узнаю, что она снова солгала мне и уехала не в Берлин, не в Прагу, не в Вену, а в Москву!»

И он чуть не зарыдал, потому что был знаменитым фантастом-футурологом, то есть умел проникать настоящее и провидеть будущее, а потому заранее знал: он не убьет ту, которую любил, – это раз; он будет с прежней покорностью сносить ее причуды – это два; она, конечно, сейчас в Москве – это три; она снова занята какими-то своими опасными, таинственными, непостижимыми и довольно-таки неприглядными делами (вернее, делишками, брезгливо передернулся он) – это четыре.

Писатель с мировым именем, знаменитый фантаст, несчастный влюбленный – его звали, кстати, Герберт Уэллс – мог сколько угодно брезгливо передергиваться или плакать над своим разбитым сердцем, однако даже он, со всем своим глобальным воображением, не мог представить, *что* несколько минут назад сделала его ветренная возлюбленная, баронесса Мура Будберг. А она... она всего-навсего отравила одного человека... тоже писателя, тоже всемирно известного... по имени Максим Горький.

Что характерно, он тоже был ее любовником.

\* \* \*

Разумеется, это не было, как говорят французы, *crime passionnel* – преступлением по страсти. Мура не хотела его убивать.

Да, кстати, у нее было два имени: в России ее обычно называли Мария Игнатьевна, ну а в Англии и в других европейских странах – Мура. Впервые так ее назвал в 1918-м году первый возлюбленный Муры (первый – и единственный любимый до сих пор, хотя сейчас-то они считались просто близкими друзьями и, с позволения сказать, товарищами по работе), англичанин Роберт Брюс Локкарт. Одной из самых любимых его книг была «Житейские воззрения кота Мура» Гофмана, и Брюс из множества русских производных от имени Мария (Маша, Муся, Маруся, Мура, Маня, Мара и тому подобное) выбрал это. Кроме того, в России, да и во всем прочем мире в то время творилась истинная гофманиада, если не сказать похлеще: после Первой мировой войны и Октябрьской революции мир безумствовал, буйствовал, сходил с ума, и его возлюбленная казалась Брюсу чуть ли не единственным нормальным, трезвомыслящим человеком в этой спятившей России. Совершенно как философ кот Мур...

Впрочем, то, что Россия явно рехнулась, не мешало Локкарту по-прежнему любить эту страну, как он любил ее и прежде, когда она была веселой, богатой, благополучной, когда работа генерального консула английского посольства в Петербурге была одним сплошным удовольствием, включавшим дружбу с веселой и богатой светской молодежью, поездки к цыганам, игру в футбольной команде, организованной на своих текстильных мануфактурах в Орехове-Зуеве миллионером Саввой Морозовым. Удовольствием от поездок на тройках среди ночной метельной мглы; от блинов с икрой и ледяной, жгучей водки; от русского сквернословия, которое казалось Брюсу, после однообразия скудного и чопорного английского языка, восхитительным именно своей неисчерпаемостью и неожиданностью; от объятий русских женщин (Мура была у него не первая русская), которые напоминали Брюсу водку именно тем, что были вроде бы ледяными и неприступными, а как распробуешь – ого-го, смотри не обожгись, смотри не сгори, а голову уж точно потеряешь... Локкарт бывал-живал в России с 1912 года и иногда думал: хорошо бы остаться здесь навсегда. В Англии все так скучно и размеренно, там никогда ничего не происходит, а здесь...

Здесь произошла революция. Здесь он встретил Муру. Здесь он полюбил, да так, что не мыслил существования без обожаемой женщины. «Что-то вошло в мою жизнь, что было сильнее, чем сама жизнь», – напишет он в своих воспоминаниях спустя много лет.

Строго говоря, Локкарт и Мура встречались еще прежде, еще накануне Первой мировой войны, еще в Лондоне. Мура приезжала в гости к брату Платону Закревскому, который работал в русском посольстве. Это оказалась судьбоносная поездка, во время которой Мура познакомилась с тремя из четырех мужчин, которые сыграют огромную роль в ее жизни. Ими были: прибалтийский, или, как говорили в старину, остзейский, барон Иван Александрович Бенкендорф (он станет мужем Муры и отцом двух ее детей), начинающий дипломат Роберт Брюс Локкарт (он станет ее вечной любовью) и находившийся на пике славы писатель Герберт Уэллс, которого чаще называли Эйч-Джи, по первым буквам его полного имени Герберт-Джордж, Herbert George (Мура станет его последней любовью). Немного погодя, уже во время свадебного путешествия со своим бароном, Мура оказалась в Берлине, где на придворном балу была представлена кайзеру Вильгельму и даже удостоилась чести протанцевать с ним вальс. Кайзер Вильгельм тоже сыграет в ее жизни немалую роль, хотя и косвенную: в конце концов, разве не в результате войны с Германией Россия оказалась ввергнута в пучину революции и Гражданской войны, которые совершенно перевернули жизнь Муры и сделали ее той, кем она в конце концов стала, – русской Матой Хари, как ее любили называть досужие журналисты.

Всякое сравнение далеко от оригинала, особенно если оно снабжено известным эпитетом: «русская Мата Хари», «русская Агата Кристи», «второй Чадаев мой Евгений»... etc. Мата Хари (Маргарет Гертруда Целле) была типичной шпионкой. Мура Закревская-Бенкендорф-Будберг всего-навсего принадлежала к числу тех, кого дипломаты называют «агентом влияния», и служила информатором двух (как минимум) разведок. Но все же некоторое сходство между двумя дамами имело место быть. Во-первых, они беззастенчиво использовали – сознательно и бессознательно – свою женскую привлекательность, а иногда расчетливо продавали себя. Во-вторых, они – вот тут-то уж совершенно бессознательно! – свято следовали тому совету, который великий маэстро разведки Лоуренс Аравийский давал своим ученикам: «Вам придется чувствовать себя как актеру, играя свою роль днем и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском». Да уж, актерствовать, что одной, что другой, приходилось денно и нощно!

Кстати сказать, Мура была знакома с сэром Томасом Эдвардом Лоуренсом в пору его высшей славы. Самое смешное, что это было светское знакомство, и всеведущий разведчик даже представить не мог, что перед ним стоит не просто бывшая любовница его приятеля Локкарта и новая фаворитка великого Уэллса, но и коллега, так сказать, по бизнесу. Ну а у Муры вообще были самые неожиданные знакомства... В этом-то и состояла ее ценность для Локкарта, это и заставляло его постоянно поддерживать с нею хорошие отношения – именно это, а вовсе не ностальгия по былой любви. Зато ностальгия была движущей силой ее жизни...

Но об этом тоже чуть ниже. Еще пару слов о сходстве Маты Хари и Муры Будберг. Если бы какой-нибудь следователь задал им сакраментальный вопрос:

– На кого вы работаете? – обе, не замедлив, ответили бы:

– На себя.

Мата Хари работала на себя ради денег и своих любовников. Мура – чтобы выжить.

Это было для нее очень емкое понятие, если учесть, что Янеда, родовое имение ее мужа под Ревелем <sup>1</sup>, было сожжено вскоре после революции мужиками, обезумевшими от свободы, которая теперь была «эх, эх, без креста», Ивана Александровича Бенкендорфа те же мужики убили, а детей, сына Павла и дочь Танечку, увезла в Ревель их гувернантка по прозвищу Мисси. Там они прожили несколько лет, пробавляясь малыми щедротами бенкендорфовских родственников, однако за скудость вспомоществований их осуждать не стоит: время стояло слишком тяжелое, каждый спасался в одиночку, и, при любом раскладе, именно остзейские бароны помогли Павлу и Тане выжить: ведь родимая маменька их, строго говоря, бросила на произвол судьбы.

О, разумеется, это произошло совершенно случайно, по вине, как принято выражаться, форс-мажорных обстоятельств! Однако в том-то и состояла особенность жизни Муры Закревской-Бенкендорф-Будберг, что в ней все происходило как бы случайно, вне зависимости от ее воли... На самом же деле это была только видимость, лицевая сторона медали, потому что, даже если Муре приходилось *подчиняться* на какое-то время обстоятельствам, потом она к ним *приспосабливалась* с такой легкостью, что иногда чудилось: она играет с судьбой в поддавки – и обыгрывает Фортуны.

Родив двух детей подряд, выкормив их самостоятельно, Мура как раз на исходе 17-го года испытала наконец то чувство, которое рано или поздно охватывает даже самых заботливых молоденьких мамочек: страшную усталость от такой жизни. Ей невыносимо хотелось вырваться из остзейской глуши, побывать в Петербурге, пардон, в Петрограде, как он стал называться на русский манер после начала войны с немцами. Конечно, до Янеды доходили кое-какие слухи о происходящем в мире, но Эстляндия <sup>2</sup> была островком благополучия по сравнению с Россией, где тысячелетняя прежняя жизнь просто перестала существовать... точно

---

<sup>1</sup> Раньше так назывался Таллин.

<sup>2</sup> Так раньше называлась Эстония.



так же, как перестало существовать столетнее вино, которое гофмаршал двора и уделов вылил из сотен бутылок в отхожее место, чтобы революционные матросы, охранявшие Зимний, не перепились.

Словом, вырвавшись всеми правдами и неправдами в Питер, Мура даже вообразить не могла, что там творится. Из петроградской квартиры Бенкендорфа ее выселили моментально, а пойти было некуда. Половину знакомых она уже не застала, они уехали на юг, в Крым, откуда потом подались в Турцию или на Балканы, или в Финляндию (это были два основных пути в эмиграцию). Остальные знакомые, еще остававшиеся в Петербурге, имели вид животных, ведомых на живодерню... куда они в конце концов и попали, да простится мне это чудовищное, но, увы, страшно точное сравнение...

На живодерню Муре не хотелось. Слишком долго грустить и оплакивать рухнувший мир она не могла, не умела, не хотела – все из-за той же невероятной приспособляемости к обстоятельствам, которая была ей свойственна. Поэтому она стала искать наиболее приятное местечко в Петербурге-Петрограде. И нашла его – в английском консульстве. Здесь она встретила некоторых лондонских знакомых, в числе которых был Роберт Брюс Локкарт (если он предпочитал называть ее Мурой, то она предпочитала называть его Брюсом). Вот как он опишет потом эту встречу:

«Сегодня я в первый раз увидел Муру. Она зашла в посольство... Руссейшая из русских, к мелочам жизни она относится с пренебрежением и со стойкостью, которая есть доказательство полного отсутствия всякого страха».

Забавно, как ошибся Локкарт насчет Муры – ошибся сразу и на всю жизнь. Она вовсе не была «руссейшей из русских» – она себя гордо называла потом «наименее русской из всех русских» (словно в пику Екатерине Великой, которую, как известно, даже враги звали самой русской из всех русских). Локкарт, кстати, сам не заметил, как опроверг свое умозаключение, потому что через несколько строк он описывает не что иное, как духовный, с позволения сказать, космополитизм Муры:

«Ее жизнеспособность, быть может, связанная с ее железным здоровьем, была невероятна и заряжала всех, с кем она общалась. Ее жизнь, ее мир были там, где были люди, ей дорогие, и ее жизненная философия сделала ее хозяйкой своей собственной судьбы. Она была аристократкой. Она могла бы быть и коммунисткой. Она никогда бы не могла быть мещанкой. В эти первые дни наших встреч в Петербурге я был слишком занят и озабочен своей собственной персоной, чтобы уделить ей больше внимания. Я видел в ней женщину большого очарования, чей разговор мог озарить мой день».

Ну, может быть, в первое время возобновления знакомства Локкарт и в самом деле видел в ней женщину, чей разговор мог озарить его день. Однако очень скоро *молчание* с ней стало озарять его ночи – между этими двумя вспыхнула любовь, которую совершенно нельзя назвать иначе, как безумной и по силе этой страсти, и по ее, мягко говоря, неуместности.

Впрочем, не зря говорят, что любовь приходит из тьмы, как враг...

В начале 1918 года столица России переехала в Москву, а стало быть, в Москву перебазировалось и английское консульство – вернее, то, что от него осталось. Локкарт уехал, взяв с Муры слово, что скоро приедет в Москву и она. Брюс вообще не понимал, что задерживает ее в Петербурге, где ей негде жить, нечего есть, однако она сказала, что у нее появилась возможность узнать кое-что о судьбе детей. Хотя сам Брюс был совершенно равнодушен к судьбе своего сына (с другой стороны, что уж так сильно беспокоиться о нем, оставшемся в преблагополучной Англии?), но материнские чувства возлюбленной он понять мог вполне и уехал, ни в чем дурном ее не подозревая. А между тем это был первый – но не последний, отнюдь не последний! – раз, когда она воспользовалась детьми (по сути дела, брошенными ею) как предлогом прикрыть другие, менее благовидные причины своего отсутствия, и ее «забота о детях», «поездки к детям» будут постоянно отравлять жизнь и Локкарту, и Горькому, и Уэллсу.

Однако на сей раз Мура не солгала. Она действительно узнала кое-что о детях – а именно, что они здоровы, находятся на попечении Мисси и живут щедротами ревельских Бенкендорфов. Сведения были получены на улице Гороховой из самых достоверных источников.

О нет, там обитал не какой-нибудь старинный Мури́н знакомый или заезжий ревельский гость! Название этой улицы в описываемое время было притчей во языцех, потому что на Гороховой располагалась петроградская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, проще – Чрезвычайка, еще проще – Чека, и именно туда Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф была вызвана однажды.

Принимал ее человек по имени Яков Христофорович Петерс, тридцатидвухлетний заместитель Дзержинского. Он пригласил Муру сесть, уставился скучным взором в ее красивое, испуганное лицо, потом сказал:

– Посмотрите-ка вот это, – и выложил перед ней на стол пачку фотографий.

Лишь взглянув на первый снимок, Мура немедленно лишилась чувств и свалилась бы на пол, когда бы Петерс не оказался достаточно проворен и не подхватил ее за плечи.

Рядом стоял графин с водой – Петерс весь его вылил на голову Муры, чтобы привести ее в чувство как можно скорей, так что, придя в себя, она вынуждена была первым делом попросить полотенце, чтобы вытереть голову. На счастье, в то время дамы не злоупотребляли косметикой, а Мура так ею и вовсе не пользовалась по молодости лет и за неимением оной.

Вытирая мокрые волосы и подавляя тошноту – от недоедания, от слабости, от потрясения, – она исподтишка косилась на фотографии, сложенные стопкой на краю стола. Да уж, от них немудрено было не только в обморок упасть, но и от разрыва сердца умереть. Ведь это были снимки ее и Брюса Локкарта – в объятиях друг друга, в минуты любви, в постели.

Наверное, фотоаппарат был спрятан в его спальне, размышляла Мура. И, уж само собой разумеется, спрятал его там не Брюс... А кто? В здании консульства была русская прислуга: наверняка кто-то из горничных работал на Чеку. Но, так или иначе, теперь для англичан опасности нет: весь штат обслуживающего персонала остался в Питере, в Москве вряд ли наберут много других людей, ведь из всех работников консульства остались только двое: Локкарт да Хикс, ну, еще шифровальщики да телеграфист...

Мура размышляла об этом, как о чем-то жизненно важном, а меж тем куда важнее было другое: *зачем* Петерс показал ей эти фотографии? Чтобы уличить в связи с англичанином? Но что же в этом предосудительного, ведь Локкарт не враг новой власти, он даже знаком с этим латышом-чекистом, с его скуластым, не то привлекательным, не то отталкивающим (сразу и не поймешь!) лицом, со слишком длинными, каштановыми, зачесанными назад, как у поэта, волосами, с маленьким, напряженно стиснутым ртом... Или у Петерса какие-то другие намерения? Но почему он молчит?!

Муру трясло, но она надеялась, что чекист решит, будто это дрожь от озноба.

Наконец Петерс заговорил.

– Скажите, это правда, что графиня Закревская была вашей прабабкой? – спросил он.

Мура от изумления чуть не выронила полотенце. Через минуту она припомнила, что Локкарт упоминал: этот латыш недурно образован, отлично говорит по-английски (он был женат на англичанке, с которой познакомился, когда был в эмиграции в Лондоне, еще в 1908-1910 годах) и известен не только своими налетами на банки, но и тем, что пописывал довольно вразумительные стишата. Наверное, он их не только пописывал, но и почитывал, коли наслышан об Аграфене Закревской, некогда воспетой Пушкиным?

С своей пылающей душой,  
С своими бурными страстями,  
О жены севера, меж вами  
Она является порой

И мимо всех условий света  
Стремится до утраты сил,  
Как беззаконная комета  
В кругу расчисленном светил.

Петерс процитировал это не без приятности и выжидательно уставился на Муру. А она и сама точно не знала, была ли их семья в родстве с пушкинскими Закревскими. Пожалуй, нет. Очень жаль, что нет! Бог бы с ним, с генерал-адъютантом Арсением Андреевичем Закревским, он мало волновал Муру, а вот Аграфена Федоровна, которую Пушкин называл «медной Венерой» и по которой с ума Евгений Баратынский, оказалась бы для нее о-чень подходящей прабабкой.

Впрочем, Мура не стала посвящать Петерса в свои сомнения, а просто ответила ничтоже сумняшеся: да. И тут же струхнула: говорят, в Чеке все про всех знают – ну как Петерсу доподлинно известно, что те Закревские – другие? И Бенкендорфы, если на то пошло, тоже другие, не имеющие никакого отношения к Александру Христофоровичу, придворному Александра и Николая Первых...

– А впрочем, это не суть важно, – отмахнулся Петерс. – Гораздо важнее другое. У вас в Ревеле дети, я не ошибаюсь?

Мура кивнула, снова начиная дрожать. И опять принялась мусолить полотенцем уже почти просохшие волосы.

Петерс ухмыльнулся, понимая ее ненужную суетливость.

– Они... здоровы? – наконец-то решилась спросить Мура. – С ними все хорошо?

– Насколько мне известно, пока – да, – кивнул Петерс. – Однако как будут обстоять дела дальше, будет зависеть только от вас, графиня.

Мура испуганно моргнула при звуке этого титула, и тогда Петерс уже без улыбки, глядя прямо в глаза Муры своими жутковатыми, слишком светлыми «чухонскими» глазами (Мура с ужасом вспомнила, что именно такие, почти бесцветные глаза были у ее мужа, Ивана Бенкендорфа), сухо вато сообщил, что судьба детей напрямую зависит от поведения их матери, которая пока что показала себя особой легкомысленной, однако у нее есть некоторая надежда исправиться. Судя по этим фотографиям (Петерс похлопал ладонью по пачке ужасных снимков), она, «графиня Закревская», находится в совершенно *доверительных* отношениях с английским консулом. И это очень хорошо, потому что отношения с Англией обостряются, как и со всем империалистическим миром, положение представителя Советской России в Лондоне Литвинова ненадежно, есть основания беспокоиться за его свободу и даже, возможно, за жизнь, так что Чека нуждается в любых сведениях, которые можно будет получить о намерениях и действиях английского консула и его окружения. В этом Чека рассчитывает на «графиню Закревскую». И пусть она не беспокоится: ей гарантируется полная конфиденциальность. Разумеется, она и сама должна быть осторожна и соблюдать полную секретность имевшего место быть здесь разговора: это прежде всего в ее собственных интересах.

– Как это там, у вашего Пушкина? – спросил Петерс, словно Пушкин тоже был родственником Муры, и процитировал из другого стихотворения, хотя и не слишком-то к месту:

*Твоих признаний, жалоб нежных  
Ловлю я жадно каждый крик:  
Страстей безумных и мятежных  
Так упоителен язык!  
Но прекрати свои рассказы,  
Таи, таи свои мечты:  
Боюсь их пламенной заразы,*

*Боюсь узнать, что знала ты!*

Может, цитата была и не к месту, зато к теме. И Петерс так выразительно выделил голосом последнюю строфу, что не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о ее смысле.

Так состоялась вербовка Марии Закревской-Бенкендорф в осведомительницы. Разумеется, она ни слова не сказала об этом Локкарту, когда приехала к нему в Москву, сообщила лишь одно: она узнала, что дети живы и здоровы. Дай бог, чтобы так было и впредь.

К слову сказать, Мура вполне следовала совету Петерса (или все же Пушкина): «Таи, таи свои мечты...» Она очень тщательно замечала все следы, которые могли привести к ее связям с Чекой. И хотя благодаря событиям, которые будут описаны далее, связи эти просто-таки били по глазам, Мура путала след как могла. К примеру, она впоследствии рассказывала своему биографу Нине Берберовой, что фотографии были предъявлены ей Петерсом уже в Москве, во время ареста англичан и Муры вместе с ними. Но, окажись это так, компромат не имел бы для нее такого убийственного значения, ибо их с Локкартом отношения были уже общеизвестны, это во-первых, а во-вторых, Локкарт был обречен через несколько дней на высылку из России, и вербовать Муру в качестве осведомителя о действиях англичан не имело никакого смысла. Зато сейчас, когда от ее поведения зависела жизнь Павла и Тани...

Спустя несколько месяцев Брюс Локкарт оказался по делам в приемной наркоминдела Чичерина и, ожидая, пока его вызовут в кабинет, вдруг увидел некоего германского дипломата. Разумеется, Локкарт насторожился: ведь его страна была в состоянии войны с Германией. Однако этот человек посматривал на него отнюдь не враждебно, а с явным интересом. Они, конечно, не обменялись и словом, но на другой день Локкарта остановил на улице сотрудник шведского посольства (шведы были нейтралы, а значит, сохраняли хорошие отношения с обеими воюющими сторонами) и сказал, что из германского посольства просили передать следующее: шифр англичан, то есть тот, которым Локкарт кодирует свои донесения, отправляемые в Лондон, известен большевикам самое малое как два месяца.

Вспомнив, что и о чем он сообщал Ллойд-Джорджу <sup>3</sup> за последних два месяца, Локкарт едва не рухнул тут же, на улице, к ногам шведа-доброжелателя. Он не хотел, не мог поверить! Ведь шифр хранился в его столе под замком, Локкарт никогда не расставался с ключом, в квартире практически не бывало посторонних, а если кто-то приходил, то Мура и Хикс (они жили вдвоем в одной квартире) не спускали с них глаз. Прислуга была пока вне подозрений... Неужели все же кто-то из слуг?!

---

<sup>3</sup> Премьер-министр Англии в описываемое время.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.